

Социальный проект евразийства в контексте глобальных тенденций современности

Павочка С.Г.

Учреждение образования «Гродненский государственный аграрный университет», Гродно

В данной работе рассматриваются различные аспекты предложенного евразийством социального проекта в контексте глобальных тенденций современности. Отмечается исключительная значимость социальной философии евразийства для сложившихся актуальных постсоветских и глобальных общественных реалий.

Цель статьи — выявление и анализ ключевых спецификаций сформировавшегося в рамках философии евразийства социального проекта.

Материал и методы. *Источниковая база исследования представлена концептуальными и теоретическими работами мыслителей неоевразийской направленности и рядом современных аналитических публикаций, содержащих опыт критической рефлексии основополагающих характеристик евразийского социального проекта. В исследовании задействованы конкретно-исторический, сравнительно-аналитический, а также общенаучные методы познания.*

Результаты и их обсуждение. *В статье обосновано положение о существенной эволюции классической евразийской доктрины на протяжении XX — начала XXI века. В контексте глобальных социальных трансформаций современности модернизированная евразийская теория начинает интерпретироваться как радикальная антитеза классическим теориям модернизации, теории и практике вестернизации и глобализма и выступает как основа для конструирования масштабного альтернативного цивилизационного проекта для России и ряда стран постсоветского пространства, обнаруживающего исключительную способность к утверждению собственной геополитической, социальной и культурной идентичности.*

Аргументировано положение о том, что основополагающие характеристики разработанного классическим евразийством социального проекта включаются в мировоззренческий, социокультурный и цивилизационный контексты современности. Они начинают оцениваться как наиболее значимые и перспективные предпосылки самоидентификации России и тяготеющих к ней стран в глобальном мировом сообществе. В социально-практическом плане они ориентированы прежде всего на обеспечение оптимального и достойного включения этих стран в процессы глобализации мировой истории.

Заключение. *Таким образом, делается вывод о принципиальной потенциальности ряда присущих неевразийской стратегии анализа современных глобальных реалий положений при одновременных исключительно мощных интеграционных и мобилизационных возможностях разрабатываемого ею социального проекта.*

Ключевые слова: *евразийство, русская эмиграция, история философии, социальная философия, идеология, глобализация, современность.*

(Ученые записки. — 2016. — Том 22. — С. 89–98)

The Social Project of Eurasianism in the Context of Contemporary Global Trends

Pavochka S.G.

Educational Establishment «Grodno State Agrarian University», Grodno

The article discusses various aspects of the proposed by Eurasianism social project in the context of contemporary global trends. Vital importance of the social philosophy of Eurasianism for the shaped current post-Soviet and global social realities is pointed out.

The purpose of the article is finding out and analyzing key specifications of the social project shaped within the philosophy of Eurasianism.

Material and methods. *The sources of research base is a conceptual and theoretical developments new Eurasian oriented thinkers and a range of modern analytical publications containing experiences of critical reflection of fundamental social characteristics of the Eurasian project. The study involved a concrete historical, comparative and analytical methods, as well as general scientific methods of cognition.*

Findings and their discussion. *The article substantiates the position of a significant evolution of the classic Eurasian doctrine during the XX — beginning of XXI centuries. In the context of global social transformation of modern upgraded Eurasian theory begins to be interpreted as a radical antithesis of the classical theories of modernization, theory and practice of westernization*

Адрес для корреспонденции: e-mail: pavochka_sergey@mail.ru — С.Г. Павочка

and globalization, and serves as the basis for the construction of large-scale alternative civilizational project for Russia and some countries of the former Soviet Union, detecting exceptional ability to the approval of its own geopolitical, social and cultural identity.

Substantiated the proposition that the fundamental characteristics of the developed classical Eurasianism social project included in the ideological, socio-cultural and civilizational context of modernity. They begin to be evaluated as the most significant and promising preconditions Russian identity and are attracted by countries in the global world community. The social and practical terms, they focus primarily on the provision of optimal and dignified inclusion of these countries in the process of globalization of world history.

Conclusion. The conclusion of principal potentialities of new Eurasian strategy analysis of contemporary global realities is made. Despit this proposed by new Eurasianism social project is extremely powerful in his integration and mobilization potential.

Key words: Eurasianism, Russian emigration, history of philosophy, social philosophy, ideology, globalization, modernity.

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 22. – P. 89–98)

Как идейное движение евразийство оформилось в условиях русской эмиграции «первой волны» в начале 20-х гг. XX века. К отцам-основателям евразийства относят культуролога и лингвиста Н.С. Трубецкого, искусствоведа П.П. Сувчинского, богослова Г.В. Флоровского, географа и экономиста П.Н. Савицкого. В разные периоды существования евразийство привлекало к себе различных представителей русской творческой интеллигенции, среди которых наиболее значимы имена культуролога П.М. Бицилли и философа Л.П. Карсавина.

Евразийство существенно выделялось в интеллектуальном ландшафте русской эмиграции предельной радикальностью постановки русской проблемы в контексте социально-политической практики начала XX века. Евразийцы попытались сконструировать новую генеалогию русской культуры, указав на наличие в ней значимого удельного веса восточных элементов. История российской государственности предстала у них как имеющая в истоках туранские (восточные) основания, а русская культура как пребывающая в процессе постоянной коммуникации с собственными «внутренними» восточными основаниями и с внешним Востоком как особым типом цивилизации и культуры. Евразийцы возлагали большие надежды на внутреннее перерождение водворившегося в России большевизма в русле идеологических и социальных установок разработанного ими проекта. «Второе пришествие» евразийства наблюдается в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века, и во многом оно было связано с историко-этнологическими изысканиями известного русского мыслителя Л.Н. Гумилева, считавшего себя «последним евразийцем». В начале XXI века формируется широкий спектр современных (неоевразийских) рационализаций наследия классического евразийства, активно действующих основоположения евразийской доктрины в осмыслении современных социально-политических, культурных и цивилизационных реалий. Тем самым социальный проект

классического евразийства получает дальнейшие импульсы своего развития в условиях его приложения к современности, характеризующейся прежде всего процессами глобализации мировой истории и становлением глобального мира, аккумулирующего в себе ведущие социальные противоречия современности.

Цель статьи – анализ ключевых спецификаций сформировавшегося в рамках философии евразийства социального проекта и определения перспектив его реализации в условиях актуальных глобальных социальных тенденций современности.

Материал и методы. Источниковая база исследования представлена концептуальными и теоретическими разработками мыслителей неоевразийской направленности и рядом современных аналитических публикаций, содержащих опыт критической рефлексии основополагающих характеристик евразийского социального проекта. В исследовании задействованы конкретно-исторический, сравнительно-аналитический, а также общенаучные методы познания.

Результаты и их обсуждение. При всех издержках и противоречиях развертывающихся процессов глобализации мировой истории очевидна объективная составляющая их стороны. Глобализация – это тенденция мирового развития, выраженная в установлении взаимосвязи, взаимодействия и взаимозависимости регионов мира. В обозримом будущем она сохранит за собой статус основополагающего вектора развития. Однако это не означает, что формы, которые она принимает сегодня, безальтернативны. Вызванные практикой глобализма диспропорции допустимо рассматривать как следствие монополизации интеграционных тенденций в различных сферах общественной жизни (экономике, политике, культуре) отдельными участвующими в данном процессе субъектами, в первую очередь, финансовой олигархией, сумевшей распознать в глобализации беспрецедентные возможности роста, непосредственно побудившие к осуществлению их приватизации, позволившей установить собственные пра-

вила игры, часто именуемой игрой с нулевой суммой, и оказывать существенное воздействие на характер и направленность глобализационных процессов, бросив тем самым «вызов» не успевшим воспользоваться «плодами прогресса».

Вполне закономерной является точка зрения, связывающая способы придания глобализации человеческого, гуманного облика с включением в общую логику развития не принадлежащих к «золотому миллиарду» социальных групп, народов, стран и регионов, предполагающую освоение ими ранее приватизированных меньшинством возможностей глобализации для удовлетворения своих потребностей и интересов через создание системы сдержек и противовесов существующей раскладке политических и социальных сил на общемировом уровне. Сама же возможность эффективного участия в глобализационных процессах, как и конкретные его варианты, определяются альтернативностью модернизационных стратегий в эпоху глобализации, прежде всего необходимостью радикального разрыва с «догоняющей» парадигмой социального развития.

Данная альтернативность может выстраиваться через создание оппозиционных глобальной организации капитала отражающих интересы политически слабозащищенной периферии мира региональных организаций. Расширение участия в приобретших очертания элитарности глобализационных процессах, указывают аналитики, не будет бесконфликтным. Все это можно рассматривать как аргументы, свидетельствующие об усиливающейся поляризации мира, в котором диалог и сотрудничество под знаком «общечеловеческих ценностей» отходят на второй план, уступая место праву силы. Складывающиеся реалии порождают вполне оправданное сомнение в возможности безболезненного, «плавного» вписывания человечества в инициированные «золотой» его частью структуры мирового порядка, стимулируя вызревание мироустроительных альтернатив. Их поле в области мировой политики определяется прежде всего степенью активизации новых социальных инициатив, способных сформулировать собственные проекты социотворчества в логике «иначе-возможного», суть и предназначение которых видятся в разработке и воплощении в условиях трансформационных процессов общественной жизни объединяющих мировоззренческих идей.

Попытка анализа глобализации в гуманитарных категориях и понятиях, в культурно-антропологической и социально-

психологической перспективах демонстрирует исключительную способность западного мира в проведении в жизнь интеграционной тенденции, базирующейся на экономических связях, технико-технологических инновациях, аргументах силового, военно-политического воздействия. В своих основаниях они имеют преимущественно инструментальное значение, исключающее или сводящее к минимуму поле притязания экономической власти в решении круга проблем внеэкономического порядка — экологических и нравственных императивов человеческого существования.

Иными словами, проблематика связывающих человечество духовных нитей остается нерелевантной, крайне уязвимым пунктом эгоцентричного сознания, в иерархии приоритетов которого ведущее место занимает «прагматизм», технология извлечения прибыли заранее оправдывающими цель средствами. Следствием этого является реанимация инстинктивных начал природы человека, возведение эгоизма в норму социальных взаимодействий. В условиях грядущей радикальной духовной трансформации, о необходимости которой все чаще говорят в настоящее время, ни реабилитация инстинкта, ни принцип индивидуализма не способны выступить потенциальным источником обновления. Мобилизационные ресурсы сохраняются в перспективе не за экономическим диктатом выгоды и расчета, а за духовными феноменами бытия, подпитываемыми, как подчеркивает А.С. Панарин, религиозно-эсхатологической традицией [1, с. 376]. Последнее по-новому определяет роль третируемых и подавляемых глобализмом ареалов локальности — изгоев глобализации, не утративших способность продуцировать большие идеи в сфере духа, лимит которых у западного мира на сегодня исчерпан (напомним о «конце истории» Ф. Фукуямы).

Более того, новейший либерализм, по мнению А.С. Панарина, не только совершил предательство по отношению к проекту Просвещения, пойдя на потакание инстинкту в его борьбе с нравственным разумом, но и совершил предательство данного проекта, пойдя на потакание этносепаратизму. Стратегический замысел новейшего либерализма в этом плане очевиден: оспаривать однополярный порядок мироустройства способны только крупные государства, а именно они практически все являются полиэтническими. Провокация «племенного демона» на бунт против «империи» имеет своей целевой установкой дестабилизацию и разрушение подобных крупных государств и сохра-

нение единственной сверхдержавы в окружении мира, представленного исключительно малыми и слабыми в политическом отношении странами.

Конфликт постмодерна и модерна приводит к рецидивам архаики. Постмодерн апеллирует к «парадигме телесного», сменяющей присущую модерну «парадигму социального». Именно доминанта социального ознаменовала практику применения к людям единых стандартов и помещение их в единое большое пространство государства-нации. Доминанта телесного строится на неожиданной реанимации чувства к родовым признакам и помещением людей в специфические малые пространства, снова актуализирующие различие «своего» и «чужого». Такие отрасли знания, как культурная антропология, этнометодология, теория менталитета, как и вытекающие из них «метатеории» плюрализма культур, конфликта цивилизаций, так или иначе стимулировали процесс припоминания различий и противоречий, о которых считалось говорить неприличным. «Реванш архаики» подверг все тенденции и устремления модерна тотальной реинтерпретации. Классическая теория прогресса в качестве предпосылки имела представление о том, что ресурсы носят исторический характер, а каждый новый технологический переворот, осуществляемый на основе новых фундаментальных открытий, способен предоставить человечеству качественно новые ресурсы как альтернативу прежним, начавшим иссякать ресурсам в рамках прежнего способа производства. Главным ресурсом цивилизации классическая теория прогресса полагала творческую способность человека, вооруженного Просвещением для новых взаимодействий с природой.

Постмодерн существенным образом сместил акценты в сторону пассивного экономического потребительства при одновременной элиминации мысли о новом способе производства («конец истории»). Не допускается и мысль о качественно новых ресурсах, которые были признаны наличными и конечными (дефицитными). Поражение в статусе получил и сам человек, превратившийся из творца в потребителя.

Дальнейшая история человечества предстала как безжалостная конкуренция потребителей. Рынок приобрел черты процедуры выбраковки человеческой массы, отчуждаемой от дефицитных благ цивилизации. Выход из складывающейся ситуации усматривается в спасении проекта Просвещения через фундаментализм, мыслимый как возвращение к модели модерна на новой ос-

нове. Модерн интерпретировал человека не как потребителя, а как творца материальных благ, поэтому обратное движение к Просвещению предполагает построение нового социального государства как альтернативы либеральному «государству-минимум». Не исключено, отмечает А.С. Панарин, что новое социальное государство может заявить о себе в теократической форме, радикально порывая с либеральной «светской моралью».

Суть происходящих в современную эпоху глобальных сдвигов усматривается прежде всего в переходе от западной фазы мирового исторического цикла, начало которой было положено в XV веке, к новой восточной фазе истории. И если в предшествующей стадии развития человечество сумело совершить масштабную революцию в области технологии, то последующая стадия мирового исторического процесса предполагает совершение революции в сфере духа и системе ценностей. Инициатива духовного и ценностного обновления истории связывается А.С. Панариным с Востоком, откуда пришли все мировые религии. У западной цивилизации, кроме либерализма и социализма, не осталось в запасе больших мироустроительных идей. Перспективы России в постзападную эпоху отчетливо обозначены исследователем именно как ее постэкономические и постматериальные возможности [2, с. 4–5].

Драма вестернизирующегося мира состоит в последовательной и методичной деструкции идентичности. Социальные системы «накачиваются» новой информацией при параллельном уменьшении реальной возможности реципиента в целенаправленном использовании этой информации. Вестернизации сопутствуют явление социальной аномии — ценностной дезориентации и потеря идентичности, вызванные хаотичностью социального поведения, когда субъект оказывается тотально не способным выстроить систему приоритетов и иерархию ценностей. Современная культура, с точки зрения А.С. Панарина, испытывает кризис, отчетливо проявляющийся одновременно в трех измерениях:

1) кризис жизнеориентирующих функций культуры — принципов устройства, связанных с установками «прометея человека» — покорителя истории и природы, практикующего инструментально-технологическое отношение к миру. Данный тип отношения породил современные глобальные проблемы, обнаружил негативные последствия разрушения не только природы, но и более тонкой ткани человеческих отношений по мере

экстраполяции на них утилитарно-прагматического принципа: «Безудержная прометеева воля в сочетании с моралью успеха ведет к поразительной бесчувственности к правам жизни, неуважению высших тайн человека и космоса» [3, с. 225];

2) кризис ценностно-мотивационной стороны культуры, выраженный в снижении общего жизненного тонуса цивилизации, мотивационного уровня, утрате пассионарной энергетики. Прогрессирующая эрозия культурно-нравственного и ценностного каркаса цивилизации предполагает мощный реформационный сдвиг, связанный с существенным обновлением жизненных смыслов и ценностей;

3) кризис нормативной сферы, ценностный релятивизм, проявляющийся в потере надежных процедур разграничения добра и зла, порока и добродетели, прекрасного и безобразного, реального и мифологического. Абсолютная свобода от любых запретов, в том числе и моральных, не должна рассматриваться как высшая стадия эмансипаторского процесса, инициированного эпохой Нового времени. Тотальный реванш чувственности над разумом и моралью должен быть ограничен современными аскетическими практиками. Речь идет у А.С. Панарина не только о духовной аскезе, но и об аскезе социальной, реабилитирующей в правах «категорический императив» морали.

Сформулированные западной цивилизацией принципы жизнестроения обеспечили исключительную историческую динамику ее развития, но они не гарантируют выживание цивилизации в длительной исторической перспективе. Восточные цивилизации менее эффективны по целому ряду критериев, но их возможность существовать в масштабах длительного планетарного времени подтверждена самой историей. Поэтому центральным вопросом здесь становится вопрос о способах и формах сочетания «инструментальной эффективности» Запада и «экзистенциальной эффективности» Востока.

Не менее очевидно и то, что мировые отношения складываются не только как результирующая финансовых, товарных и информационных аспектов, но и как интеграл национальных, государственных и цивилизационных измерений. В содержательном плане это означает появление тенденции формирования многомерного и многополюсного мира. Глобальный контекст предполагает движение не только в сторону интегрированной целостности мира, имеющей в фундаменте устойчивую рационализацию рынка, но также инициирует обретающее более отчетливые формы движение к мультипо-

лярности мироустройства на закате индустриализма и становлению постиндустриальной парадигмы социальности с присущим ей многоуровневым структурированием субъектов мирового развития, ведущими в системе которого становятся цивилизационные единства, успешно совмещающие техногенные и информационные пространства с сохранением собственной идентичности. Отмеченная специфика поддержания цивилизационного самосознания отсылает к необходимости учета в мировом развитии латентных, но долговременных и постоянно действующих факторов, определяющих способы воспроизводства цивилизационно «многоликой» социальности и вписывание ее в магистральные тенденции современного мироустройства.

В последнее время фиксируется необязательный религиозный характер данных факторов. Поддерживающая сохранение идентичности традиция связывается с широким комплексом культуротворчества, достижениями социогуманитарных наук. Определяющая относительную устойчивость социокультурных реалий традиция культуры, представляя собой результат самоорганизации всех уровней и сфер жизнедеятельности общества, обеспечивает поддержание жизненно важных функций, интеграцию и дифференциацию социальной среды, делая тем самым возможным успешное проведение модернизационных инициатив.

Цивилизационные перспективы России как центра Евразии в этой связи могут быть осуществлены в условиях взаимодействия с западными и незападными цивилизациями как в рамках евразийского пространства, так и в глобальном контексте. Их предпосылкой, по мнению ряда исследователей, является универсализирующая система социокультурных коммуникаций, позволяющая преодолеть локальность и партикуляризм в этническом, социальном и культурном аспектах [4, с. 15].

В сознании постсоветского общества опосредующим данный универсализм звеном является поиск «духовной власти» в цивилизационном пространстве Евразии. Подобным интеграционным потенциалом могут обладать православие, ислам, буддизм, еще не до конца исчерпавшая лимит доверия социалистическая идея. Не исключается также перспектива идейного консенсуса на основании идеологических доктрин Запада и Востока. Вызревание мироустроительных инициатив возможно и на базе мировоззренческих традиций отечественного философствования, несущего значительный запас теоретического обоснования социальной инте-

грации и практики ненасилия, адресованных будущему.

И все же единственным способом комплексного охвата евразийской социальной общности признается стабильный механизм диалога, разработка действенных способов достижения взаимопонимания и согласия. По всей видимости, ключевым значением в данном цивилизационном процессе будут обладать не смысловые и нравственные акценты в истолковании проблемы интеграции, а перспектива реализации прочных транснациональных связей общения, развертывающихся в сферах хозяйственной деятельности, образования, науки. Результат этого процесса вполне закономерно представим как становление «гибридной» евразийской цивилизации с высокой степенью культурной многоукладности, взаимным пересечением разнонаправленных ценностей и разнородных компонентов, являющихся показателями любой достаточно развитой цивилизационной среды и ситуации межкультурного взаимодействия.

Так или иначе евразийство движется в русле одного из основных направлений общественной мысли, которое противостоит глобализму и отстаивает принцип самобытности и плюрализма цивилизаций. Евразийство отстаивает также принципы имперской идеологии и геополитики. «Откатная» волна отечественной общественной мысли 90-х гг. XX века привела к тому, что в русле западных оценок любое крупное государственное образование стало трактоваться как империя, в историческом опыте России оцениваемая исключительно негативно. В действительности империя есть данность России, как политическая конструкция она позволяет многое понять в специфике русских цивилизационных оснований. Политическое и социокультурное значение империи проявляется в форме политической организации совместной жизни разнородных этнических и конфессиональных конгломератов, которые не располагают иной основой утверждения всеобщей нормативности и «правопорядка» [5, с. 62]. Имперская экспансия осуществляется не только основным путем неэквивалентного экономического обмена, она может реализовываться и как религиозная и идеологическая экспансия, что отражено и закреплено в универсализме мировых религий. Главное здесь состоит в том, что империи оправдывают свое существование до тех пор, пока в их границах происходит приобщение к магистралям исторических процессов. Распад СССР как неизбежное крушение последней империи в этом контексте следует рассматривать как геополитический ка-

таклизм, обустривать последствия которого необходимо геополитическими средствами. Цивилизационные характеристики империи Б. Ерасов сводит к определенному типу огосударственной социальности и «сакральной вертикали». Крушение сложных этатистских режимов на постсоветском пространстве стало восприниматься и оцениваться как открытие для евразийских регионов горизонта глобализации и их допущение в «мировую цивилизацию». В крайне радикальных геополитических конструкциях З. Бжезинского после распада СССР остается одна держава, обладающая сверхцивилизационным значением. Это США, другие государства являются временными территориальными образованиями, располагающими определенными ресурсами. Евразия как поле битвы между национальными государствами представляет собой регион, который легко разжечь, и основная задача американского геополитического присутствия здесь усматривается в укреплении и сохранении существующего в ней геополитического плюрализма, недопущении образования мощного центра тяготения. В этих целях можно пренебречь культурно-историческими факторами, поскольку глобальная система при господстве США конституируется средствами политического гегемонизма и силового давления.

Современные исследователи цивилизационной специфики России В.В. Ильин и А.С. Ахиезер в принципе согласны с особой значимостью имперского начала в истории России. Ослабление этого начала, приведшее к распаду СССР, и сегодня подтачивает российское целое. Между тем целостность Евразии для России определяется как *factor prima*, исходя из того, что исторически и державно он обеспечивается имперски. Поэтому главный вопрос в настоящее время, полагают авторы, состоит не в том, как отменить империю в России, а в том, как сделать ее цивилизационно эффективной через гармонизацию взаимодействий человека (народа) и власти (государства), что и образует основное содержание «русской идеи» в современной транскрипции.

Логика больших геополитических пространств, лежащая в основе особой метафизики пространства, отчетливо указывает на достаточно устойчивые географические контуры римской, русской, туранской панидей, подверженных как деструктивным, так и созидательным в пространственно-территориальном плане тенденциям: «Была Римская империя с коррелятивным ей евроафриканским ареалом. После падения Рима восстанавливается величие “не вечного города”,

а сцепленного с ним пространственного контура (эпохи Карла Великого, Наполеона, Гитлера). Была Российская империя с соответствующим ей евразийским ареалом. История многократных дезорганизаций пространственного контура России в понижающей державной фазе чередуется с историей многократных же агрегаций ее пространственного контура в повышающей державной фазе (эпохи Петра I, Екатерины II, Александра II, Сталина)» [6, с. 125]. Своеобразие географических пульсаций панидей и покрываемых ими пространственных контуров определяет, по мнению ученых, процессы построения или разрушения в указанных контурах сверхдержав-империй, само же непосредственное пространственное соприкосновение панидей в повышающей державной фазе всегда конфликтогенно, что предопределяет необходимость избегания пространственного соприкосновения панидей и разделения их буферными зонами.

Представленный выше комплекс противоречий современности делает жизненно важным вопрос о собственных перспективах исторического развития. Одним из способов их осмысления является неоевразийская постановка проблемы, сохраняющая критику западничества и вестернизации как родовую черту евразийской традиции. Более рельефно она обозначена в ветви неоевразийства, балансирующей на грани мистики, национализма и геополитики. Так, интерпретируя евразийские тексты, А. Дугин отстаивает понимание Запада как исторической патологии, пути дегенерации и упадка. Сохраняя классические мыслительные дихотомии (индивидуализм — коллективизм, либерализм — авторитаризм, демократизм — общинность, механизм — организм), он связывает приоритет евразийской доктрины с экспликацией реального геополитического основания славянофильских концепций, которые вне евразийского их доосмысления остаются или слишком абстрактными, или резюмируются панславистской идеей, а последнее, с точки зрения Дугина, тождественно идейному воспроизведению «пангерманизма» в ином цивилизационном контексте.

Самобытность Евразии выражена в специфике сакральной географии территории, а осознание уникальности России в Евразии определено логикой ее центрального положения в ней. Вследствие этого «русский патриотизм», имея сакральные, мистические основания, коренящиеся в географическом и геополитическом факторах евразийского пространства, отличен от национализма

иных народов. Исключительность «русского патриотизма», рассматриваемого в качестве формы «евразийского национализма», вытекает, таким образом, как следствие осознания мессианской предопределенности и значимости национального самосознания, включая архетипический уровень коллективной психологии [7, с. 307].

Вопрос о евразийской сущности России сегодня сохраняет известную степень дискусионности и неоднозначности. Позиция крайнего почвенничества, базирующегося на представлении о России-Евразии как окончательной ликвидации исторической России, связывает с евразийской перспективой растворение русского национального самосознания и православного мировосприятия. Евразийство как концепция будущего оказывается в данной логике суждений рядоположенной западноевропейскому космополитизму и либерализму, поскольку главный порок евразийской рационализации состоит в потере национально-исторической и духовно-религиозно-этической преемственности в развитии российского государства. Как следствие этого сам неоевразийский проект является «очередным произвольным “конструированием” новых образований из противоправно созданных квазигосударств на исторической территории России» [8, с. 214], что для российской государственности имеет трагичные исторические последствия и ставит под знак сомнения само русское национально-историческое самосознание.

Евразийство рассматривается сегодня и как теория, которая в большей степени, нежели традиционные антимодернистские теории (славянофильская, почвенническая), претендует быть альтернативой различным теориям модернизации, являясь при этом чисто российским «продуктом», хотя и возникшим в условиях русской эмиграции. Актуализирующее прочтение евразийства приводит либо к прямому воспроизведению его мировоззренческих и геополитических постулатов, либо к более продуктивному, хотя и не всегда отчетливо ясному, ориентированному на евразийство, объяснению посткоммунистических изменений. Евразийская концепция в последнем случае получает интерпретацию в соответствии с различными формами последовательно сменяющихся социальных теорий:

1) модернизационная интерпретация, в границах которой евразийскими полагаются традиционные или недостаточно модернизированные европейские страны, страны с европейско-азиатским месторазвитием и незавершенной модернизацией (например,

Россия и Турция), а также азиатские государства, вступающие на путь модернизации и «догоняющие» Запад (Казахстан). В модернизационной интерпретации акцентируется исключительно тот аспект, что эти страны являются отстающими, традиционными, «азиатскими», но пытаются сменить свою идентичность на западную, европейскую;

2) «социалистическая» интерпретация, подающая исторический опыт СССР как успешный евразийский опыт, а социализм как евразийский (незападный) путь развития. В новейшей геополитической версии утверждается особое цивилизационное значение уже не системы социализма, а СНГ;

3) постмодернизационная интерпретация, в соответствии с которой модернизация принимает новые черты в связи с изменением не только осуществляющих процесс социальной трансформации модернизирующихся стран, но и Запада. Постмодернистская интерпретация усматривает в евразийстве своеобразную конвергенцию ценностей традиционного («азиатского») и современного (западного) общества. В этом плане евразийство выступает как идеология умеренного, не радикального преобразования с опорой на собственные основы;

4) неомодернизация, которая жестко воспроизводит аргументы модернизационной теории, не считаясь при этом с ее уроками;

5) интерпретация евразийства с точки зрения модели неомодернизации на этнооснове, соединяющей в свете единства локального и универсального идеи модернизации, неомодернизации и постмодернизации и подчеркивающей невозможность «догнать» Запад;

6) антимодернизационная интерпретация как откат от модернизации. Евразийское месторазвитие представлено в ней как ключевая особенность, препятствующая следованию названным выше концепциям модернизации и неомодернизации по причине утверждения ими абсолютной ценности западной модели развития, принимаемой в качестве универсальной, и пренебрежения локальным, а также противоречащей идеям постмодернизации из-за доминирования здесь локального и маргинального.

Вместе с тем обозначенные интерпретации евразийства в контексте современных социальных теорий позволяют, по мнению В.Г. Федотовой, выявить несамостоятельность евразийства как доктрины и усмотреть в нем некоторый фактор, получающий различные интерпретации, которые, в свою очередь, достаточно часто теряют твердую почву факта, но в целом свидетельствуют о наличии некоторой собирательной характеристики — исторической (взаимодействие русских

с монголами и тюрками), географической (для России это означает ее нахождение в Европе и Азии), психологической (выраженной в отличном от западного цивилизационном психологическом коде), политической (слабость демократических институтов, не-демократия, протодемократия), социальной (общества, не завершившие модернизационные процессы) [9, с. 192]. Именно поэтому оказывается необходимым и более рефлексивный подход к проблемам развития России и других посткоммунистических стран. Ни постмодернизационная, ни неомодернизационная (включая неомодернизацию на этнооснове) теории не объясняют сложившихся особенностей и стоящих перед этими странами задач и — что особенно важно — не характеризуют перспективу развития с достаточным учетом специфики и необходимости управления процессами изменения в этих странах. Необходима новая социальная теория, более адекватно воспроизводящая специфику и возможности развития указанных стран и способная участвовать в менеджменте происходящих в них социальных трансформаций. Общие контуры подобной социальной теории отчетливо обнаруживаются в том, что в условиях глобализационных процессов утрачивается образ Запада как эталона и модели модернизации, заменяемой многообразием адаптированных к потребностям и специфике отдельных стран модернизаций.

Для России новое «издание» «русской идеи», ассоциированное с евразийским цивилизационным проектом, предполагает эффективный ответ на три формы современного вызова: 1) вызова, брошенного России Западом и выраженного в его готовности потеснить Россию с ее европейских границ; 2) вызова со стороны мусульманского Востока, активно включающего в сферу своего влияния не только «родственные» республики Средней Азии и Закавказья, но и соответствующие автономии, входящие в состав Российской Федерации; 3) вызовом со стороны динамично развивающегося Тихоокеанского региона, готового к мирной ассимиляции российских Дальнего Востока и Сибири [10, с. 27]. Основополагающая дихотомия традиционной геополитики связана с необходимостью различения «морских» и «континентальных» держав, в глобальном масштабе проявляющегося в делении мира на две полусферы — сухопутную (континентальную) и морскую. В границах предложенного членения ключевое значение отводится одному региону — Евразии, образующей центровое пространство мира (хартленд) в противовес океаническому рим-

ленду. Океаническая сфера противопоставляется в классической теории геополитики евразийскому монолитному хартленду как мозаичное, полицентричное пространство. «Держателями» хартленда являются одна-две сверхдержавы (Россия, Германия). Основная угроза, исходящая в глазах западных геополитиков со стороны России, состоит в том, что она является носителем евразийского монолита, геополитическая масса которого многократно превышает суммируемую геополитическую массу разрозненных океанических государств.

Именно поэтому Россия как субъект геополитики не может игнорировать ни собственную евразийскую геополитическую традицию, ни систему «внешних» ожиданий, предъявляемых ей океаническими державами как к держателю хартленда. Это пребывание в континентальном пространстве исключает для нее как саму возможность ее перевода в разряд океанических держав, так и ее «возвращение» в Европу или «следование» в Америке. Геополитическая данность России определяет ограничения ее политического набора и ее собственного геополитического творчества: «Фундаментализм русской идеи — энергетика русификации единого евразийского пространства. Когда эта идея, в ее конкретно-историческом воплощении, почему-то терпит фиаско, о себе заявляет альтернативный тип восточного фундаментализма — энергетикой монголизации, исламизации, а вскоре, может быть, китаизации евразийского пространства» [10, с. 26].

Интерес к классическому и современному евразийству в западном общественном сознании привел к неоднозначным результатам, критическое отношение к нему заметно преобладает над позитивным: евразийство воспринимается преимущественно как позиция, вызванная к жизни неспособностью русской культуры рационально ужиться с модернизацией и Западом, идущим в авангарде модернизации. В сугубо западнцентристской оптике оно оценивается как девиация, которая уводит в сторону от универсальной исторической эволюции.

При этом оценка евразийства может варьироваться и зависит от актуального отношения Запада к России: «Чем больше эта страна воспринимается как некая аномалия по сравнению с западным критерием, тем менее оказывается допустима евразийская концепция, представляющая собой наиболее радикальное выражение русского требования на историко-культурную независимость от Запада» [11, с. 7]. В интерпретациях евразийского наследия просматривается стремление подвести итоговую черту, сфор-

мулировать однозначное «да» или не менее категоричное «нет». В действительности невозможным оказывается ни первое, ни второе, о чем свидетельствуют постоянно возобновляющиеся дискуссии о соотношении Запада и Востока в исторических судьбах России, факт поиска особого «третьего пути». Очевидно одно — перспективы социальной модернизации и построения «собственного дома» выводят концепцию евразийства из области философско-культурологической рефлексии в сферу социально-политической практики. Ее современные версии вынуждены определять себя в контексте общеинтеграционных процессов, решая одновременно задачи вписывания постсоветских обществ в процессы глобализации мировой истории.

Заключение. Возникнув в начале XX века в исторических условиях русской эмиграции в качестве непосредственной реакции на события Первой мировой войны и ряд последовательных революций в России, евразийство как комплекс оригинальных социально-философских, философско-исторических и культурологических идей было актуализировано в 70–80-е гг. XX века в историко-этнологических изысканиях Льва Гумилева, а также на рубеже XX–XXI веков в различных по идеологической направленности версиях неоевразийства.

Основные характеристики предложенного классическим евразийством социального проекта включаются в мировоззренческий, социокультурный и цивилизационный контексты современности, рефлексированы рядом современных авторов (Б. Ерасов, А. Панарин, А. Дугин) как наиболее значимые и перспективные идейные предпосылки самоидентификации России в глобальном мировом сообществе. Неоевразийская стратегия анализа достижений классического евразийства необходимо сопряжена с осмыслением феноменов модерна и постмодерна, глобализации и глобализма, а также возможных альтернативных наличествующим проектам как «внутреннего» социально-экономического и политического обустройства России-Евразии, так и ее «внешнего» обустройства, связанного с включением в процессы глобализации мировой истории. В этом смысле неоевразийские версии обоснования единства и целостности Евразии ориентированы прежде всего на поиск и реализацию возможностей оптимального в операциональном плане и достойного в ценностном наполнении включения России и ряда стран постсоветского пространства в интеграционные тенденции в сфере экономики, политики и культуры, столь актуальные в ус-

ловиях мира, становящегося одновременно и глобальным, и локальным.

Во многом, однако, социальный проект евразийства является принципиально потенциальным. Идеологическое и метафизическое конструирование евразийского единства остается, как и в классическом евразийстве, весьма далеким от социальной практики и тех конкретных социальных и культурных реалий, которые оно пытается теоретически охватить. Реализация артикулированных неоевразийством стратегий и программ, аппликация которых на цивилизационное пространство Евразии полагается жизненно значимой, исторически фундированной и перспективной, так или иначе нуждается в трансляции на язык конкретной политики, способной к практическому осуществлению озвученного неоевразийством социального проекта, обладающего, безусловно, исключительно мощным интеграционным и мобилизационным потенциалом.

Литература

1. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. — М.: Русский Национальный Фонд, 2000. — 382 с.
2. Панарин, А.С. Россия в циклах мировой истории / А.С. Панарин. — М.: МГУ, 1999. — 288 с.
3. Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке / А.С. Панарин. — М.: Логос, 1998. — 392 с.
4. Ерасов, Б. Россия в системе каких координат? / Б. Ерасов // Восток. — 1995. — № 3. — С. 5–17.
5. Ерасов, Б. Россия в евразийском пространстве / Б. Ерасов // Общественные науки и современность. — 1994. — № 2. — С. 57–67.
6. Ильин, В.В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / В.В. Ильин, А.С. Ахиезер. — М.: МГУ, 2000. — 304 с.
7. Дугин, А.Г. Абсолютная Родина / А.Г. Дугин. — М.: Арктогея, 1999. — 752 с.
8. Мяло, К. Восстановление России: евразийский соблазн / К. Мяло, Н. Нарочницкая // Наш современник. — 1994. — № 11–12. — С. 211–219.
9. Социальные знания и социальные изменения / под ред. В.Г. Федотовой. — М.: ИФ РАН, 2001. — 284 с.
10. Панарин, А.С. Россия в Евразии: вызовы и ответы / А.С. Панарин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. — 1994. — № 8. — С. 25–35.
11. Феррари, А. Евразийская парадигма русской культуры: проблемы и перспективы / А. Феррари // Вестн. Евразии. — 2006. — № 1. — С. 7–18.

Поступила в редакцию 28.06.2016 г.